

над сосудом («устройство с лучами» по Кенна) не может быть печью для обжига сосудов. Женские демоны, танцующие вокруг созвездия на другой стороне печати и имеющие ту же самую форму головы, что и сидящая фигура, указывают на астральные связи так же, как и «лучи» на голове мужчины и тот факт, что сосуды и фигуры, несущие и размахивающие сосудами, связаны с астральными символами и на других печатях⁷⁷. Головы с лучами или зубцами имеются и у фигур, которые на одной печати из Маллии (рис. 10 = Et. Gret. II, Fig. 2) кружатся вокруг маленьких кружков или шариков, находящихся в центре поверхности печати. Хотя они и не отмечены ничем в качестве звездных символов, вращательное движение фигур и здесь вызывает в памяти астральные представления. Это способствует астральным связям человека с лучистой головой на первой печати. Но это соответствует и своеобразной фигуре на стороне в печати из Маллии (рис. 9), которая со своими прямыми, подвижно сочлененными частями, круглой, как шар, головой и круглым глазом в центре головы производит впечатление скорее манекена, чем живого существа. Она заставляет вспомнить о критском мифе о солнечном великане Талосе, которого Дедал изготовил из бронзы, и чья единственная вена закрывалась с помощью гвоздя. Вспоминается как раз эта деталь мифа, когда замечаешь, что голова существа пробита колом или гвоздем, чья головка, согнутая книзу, скрывается за первым иероглифом и чей острый кончик выступает сзади из шеи. То, что у существа на спине находится пробитый полукруг с первой печати и причем таким образом, что оба (спина и полукруг) кажутся прикованными друг к другу, доказывает еще раз, что данный объект не является печью для обжига сосудов, а, скорее всего, изображает не что иное, как небесный свод. Пробитый круг, охватывающий голову быка на глиняной печати АМ 1938,748 (Кенна № 73), заменяется на других печатях лучистым кругом, и этот же самый лучистый круг окружает астральные символы на печатях Кенна № 45—46, сосуды на печати Кенна № 48 и других. Здесь представлены связи понятийных сфер «сосуд», «космические тела», и «небесный бык», которые надо будет детальнее исследовать в другом месте. Возвращаясь к Фестскому диску, мы можем сказать, подводя итоги, что ни один из «чуждых знаков» не заставляет признать внекритское происхождение надписи. Как знак «голова» № 2, так и знаки «женщина» № 6 и «здание» № 24 возможно связать с находками на Крите, и они подтверждают заявление Краэ о том, что отдельные знаки диска «по своей структуре и по тому, что они изображают, лучше всего соответствуют крито-эгейскому миру».

⁷⁷ Здесь может быть указано только, что и вторая сцена с гончаром, которую мы находим на одной печати (АМ 1938, 748 = Кенна, № 73), по-видимому, также имеет сакральное значение, так как сидящий на корточках «горшечник», который как кажется приделывает ручку к стоящему перед ним сосуду, окружен с обеих сторон «священными ветвями»: ср. о значении «священной ветви» Н. Т. Bossert, *Santas und Kurara*, 1932, стр. 15 сл. E. Grunhach, *The Structure of the Cretan Hieroglyphic script*. Нельзя считать простым совпадением, что голова быка на стороне С печати охватывается кругом, который, подобно полукругу на исследованной выше печати, пересекается «лучами».

С. И. Радциг

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ ЭСХИЛА В «ЭВМЕНИДАХ»

СРЕДИ многих вопросов, связанных с изучением греческой трагедии, до сих пор остается спорным вопрос о том, как следует понимать политическую точку зрения Эсхила в «Эвменидах» и, в частности, каково его отношение к реформе Ареопага в 462 г. до н. э. Впервые этот вопрос был поставлен К. О. Мюллером в его известном издании трагедии¹.

Аристофан, отражая, как видно, общее мнение своего времени, представлял поэта «учителем народа» («Лягушки», 1008—1010; 1030—1031; 1055). Он подчеркивал патриотический и воинственный дух трагедий «Персы» и «Семеро против Фив», называя их «полными Ареса» (там же, 1021—1027). Ф. Энгельс характеризовал Эсхила как «ярко выраженного тенденциозного поэта»²; что он понимал под словом «тенденциозный», видно из другого его замечания: «Чем больше скрыты взгляды автора, тем лучше для произведения искусства»³. Это значит, что в художественном произведении идейность отнюдь не должна быть навязчивой или односторонней, но она вскрывается при историческом освещении литературного памятника.

Из сохранившихся трагедий Эсхила только «Персы» написаны на современнейший сюжет. Однако и в других трагедиях за аллегорией мифа часто просвечивает живая современность: в «Просительницах» преследователи Данаид напоминают своими действиями «варваров», т. е. персов; в песнях хора в «Семерых» слышатся подлинные переживания осажденного города; в «Агамемноне» весть о разорении Трои вызывает в памяти недавние события и Клитемнестра словно различает среди уличной резни голоса победителей и побежденных; поэт передает напряженное ожидание известий с места боев — тем более, что так часто вместо ушедших в поход друзей приходится встречать урны с их прахом (433—436) — явный намек на легкомысленно предпринятый поход в Египет в 460 г. (Thuc., I, 104; Diod., XI, 77).

Не случайно местом действия в «Агамемноне» берутся не Микены, известные в эпической традиции как столица Агамемнона (Il., II, 569; IV, 52; 376; Od. III, 305), а Аргос. Дело объясняется тем, что во время написания трагедии Микены уже лежали в развалинах и область их принадлежала Аргосу, который достиг в эту пору значительной силы. Дважды разоренная спартамцами — около 546 г. и в 494 г. (Her., I, 62; VI, 63), он не при-

¹ К. О. М ü l l e r, Aeschylus Eumeniden, Göttingen, 1833, стр. 157 сл.

² Письмо к М. Каутской от 26 XI 1885 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 333.

³ Письмо к мисс Гаркнесс от 1886 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 35—37.

нял участия в 480 г. в борьбе против персов, а позднее, в 468/467 г., воспользовавшись временным ослаблением Спарты, разгромил ее союзника — Микены, а у себя установил демократический строй (Strabo, VIII, 6, 10, p. 372; Diod., XI, 65; Paus., II, 16; VII, 25, 5—6). А в 461 г. афиняне, разорвав союз со Спартой, заключили союз с Аргосом (Thuc., I, 102). Недавнее унижение Аргоса, по-видимому, дало Эсхилу случай вспомнить еще в ранней тетралогии о роли Аргоса в судьбе Данаид — в «Просительницах». На союз же Афин с Аргосом еще определеннее намекается в «Эвменидах».

При чтении этой трагедии бросается в глаза особенно большое количество рассеянных в ней намеков на современные события. Это тем более выразительно, что главная часть действия происходит в самих Афинах, на акрополе, перед древним Эрехфеем, храмом Афины Полиады, который в 480 г. был сожжен персами (Her., VIII, 54—55, ср. V, 82). Это уже само по себе было способно возбуждать у зрителей патриотические чувства. Интерес зрителей усугублялся еще этиологическими темами о происхождении Ареопага, о связи Ореста с аттическими преданиями, о превращении чудовищных Эриний, возбуждавших ужас и отвращение дельфийской пифии (46—59) и Аполлона (644), в благодетельных Эвменид, несущих благополучие афинскому народу.

Помимо таких общих тем, большое значение в трагедии представляют неоднократно повторяемые призывы хора Эриний и самой Афины с предупреждениями против междоусобий — *στάσεις* (976), против братоубийственной войны — *ἐμφύλιος ἄρης* (983 сл.), против «кровавых оселков» — *αἱματηράς θηγάνας* (850), против «знамений домашней войны» — *ἐνοικίου ὄρνιθος μάχη* (866) и т. д. Хор Эриний призывает всех к единодушию — так, чтобы «отвечать радостью на общее согласие и единодушно ненавидеть врагов» — *χάρματα δ' ἀντιδοῖεν κοῖνοφιλεῖ διανοῖα καὶ στυγεῖν μιᾷ φρενί* (984—985). В этой связи приобретает особый смысл еще другой призыв Эриний: «Пусть же и прах, впитавший черную кровь граждан, в гневе не нашлет новых бедствий на государство в возмездие за совершенные убийства» — *μηδὲ πιούσα κόνις μέλαν αἷμα δι' ὄργαν ποινὰς ἀντιφόνους ἄτας ἀρπαλίσαι πόλεως* (960—963). Нетрудно понять, что приведенные слова имеют в виду недавнее убийство Эфиальта после проведенной им реформы Ареопага, а может быть, вместе с ним и еще кого-нибудь из его сторонников. Уяснить смысл содержащихся в трагедии намеков можно только в свете событий, свидетелем и участником которых пришлось быть поэту, напряженной борьбы как во внутренней жизни, так и во внешних отношениях Афин.

В 510 г. пятнадцатилетним мальчиком Эсхил был свидетелем того, как объединенными усилиями общественных групп афинянам удалось низвергнуть тиранию Писистратида Гиппия. Тот нашел покровительство при персидском дворе и в 490 г. направил персидский флот к Марафону, где и произошло знаменитое сражение (Her., V, 96; VI, 102; 107), да и в 480 г. кто-то из Писистратидов принимал участие в разгроме Афин (Her., VIII, 62). В 508 г. Алкмеониду Клисфену, ставшему во главе передовой аристократии, удалось провести реформу всего политического устройства Афин в демократическом направлении. Но и после этого, несмотря на надвигавшуюся угрозу со стороны персов, в стране продолжалась борьба между отдельными группами рабовладельческого общества. Фактически высшая власть оставалась в руках первого, а затем вскоре (точное время неизвестно) и второго имущественного класса, так как из их состава выбирались архонты, охрана же государственного порядка — *φυλακή τῆς πόλεως* — в соответствии с заветами отцов — *τὰ πατρία* — находилась в ведении Ареопага. Против возможности новой тирании Клисфеном был введен закон об остракизме, и первые десятилетия V в. отмечены рядом случаев его при-

менения: в 488/487 г. изгнан Гиппарх, сын Харма, в 485/484 — Ксанфипп, сын Арифрона, отец Перикла. В 483/482 г. выдвинулся Фемистокл с программой кораблестроения за счет доходов от серебряных рудников в Маронее. Его морская политика встретила сопротивление землевладельческой аристократии, но возглавлявший ее Аристид должен был в 481/480 г. уйти в изгнание (Arist., Athen. pol., 22)⁴.

Блестящие успехи в войне с персами выдвинули Афинское государство среди греческих полисов и способствовали моральному подъему в афинском обществе, свидетельством чему может служить титанический образ Прометей в творчестве Эсхила. Однако в политической обстановке наблюдались колебания, и под давлением правых в 470 г. подвергся ostracism герой Саламинской битвы Фемистокл.

Ареопаг⁵, древнее учреждение, остаток родового совета старейшин, в результате реформ Клисфена стал терять руководящее значение, но в 480 г., во время нашествия персов, при растерянности властей он оказался на высоте и сумел изыскать средства для эвакуации населения. Это снова подняло его авторитет и влияние на дела (Arist., Ath. pol., 23, 1; Politica, V, 3, 5, p. 1304 a 20—21; ср. Plut., Them. 10). Однако вскоре же стали появляться новые силы, особенно в связи с развитием флота, сыгравшего решительную роль в победах над персами и получавшего все большее значение в экономической жизни. Политика родовой землевладельческой аристократии, тяготевшей к поддержанию добрых отношений с олигархической Спартой, уже не соответствовала новым запросам. Не только класс землевладельцев, мелких землевладельцев, составлявших основное ядро греческой армии, но и безземельные батраки и ремесленники класса фетов, несшие службу во флоте ([Xen.], Athen. pol. 1; 2; Arist., Athen. pol. 27, 1; Polit., II, 8, 4, p. 1274 a 12—16; V, 3, 5 p. 1304 a 22—24), почувствовали силу, чтобы заявлять свои требования, и отчасти находили поддержку в кругах передовой аристократии.

Кризис особенно обострился, когда в 464 г. по настоянию главы старой аристократии Кимона был послан по просьбе спартанцев четырехтысячный отряд в Пелопоннес на помощь против восставших в Мессене гелотов. Но отношения между двумя государствами становились все более натянутыми, и против такой меры серьезно возражал простат (лидер) передовой аристократии Эфиальт. Дело осложнилось еще более в 462 г., когда спартанцы, не доверяя афинянам, отослали их отряд обратно. Такая подозрительность была принята афинянами за оскорбление. Кимон, как виновник этого, подвергся в 461 г. ostracism, союз со Спартой был расторгнут и заключен союз с ее противником Аргосом, установившим у себя демократический строй (Thuc., I, 102; Plut., Cim. 16—17). Несомненно, эти события имели важное политическое значение, и не удивительно, что нашли отклик в современной трагедии Эсхила.

В «Эвменидах» представлено, как Орест, оправданный судом Ареопага, в благодарность за это дает клятвенное обещание от себя лично и от имени всего народа Аргоса никогда не предпринимать военных действий против Афин, а в случае нарушения этой клятвы оказывать даже после смерти помощь афинянам. «Богиня Афина, — говорит он, призывая ее заступничество, — без помощи копья приобретет во мне самом, в земле и в

⁴ U. v. Wilamowitz-Möllerndorff, Aristoteles und Athen, II, B., 1893, стр. 86.

⁵ A. Philippi, Der Areopag und die Epheten. Ein Untersuchung zur Athenischen Verfassungsgeschichte, B., 1874; RE, 'Αρείος πάγος II, стр. 627—633; W. Oncken, Athen und Hellas, «Forschungen zur nationalen und politischen Geschichte der alten Griechen», I, Lpz., 1865, стр. 175—261; N. Wecklein, Der Areopag, die Epheten und die Naukrarien, «Sitzungsber. der Bayer. Akad.», 1875, стр. 30 слл.

народе Аргоса по справедливости верного союзника во всяком деле» (289—291). После своего оправдания он еще раз подтверждает свое обещание. «А я,— продолжает он свою речь,— уйду сейчас к себе на родину, клятвой подтвердив впредь на самые далекие времена перед этой страной и твоим народом, что никогда ни один вождь из нашей страны не приведет сюда хорошо вооруженной рати. Мы сами, пребывая в то время уже в могиле, будем поражать непреодолимыми бедствиями тех, кто станет преступать нашу клятву, будем посылать им безрадостный путь при зловещих знамениях, заставим каяться за такие действия. Если же наши слова будут соблюдаться и наши люди будут всегда уважать этот город Паллады и помогать ему своим оружием, к ним мы будем еще более благосклонными» (762—774).

Обещание Ореста подтверждается словами Аполлона. «Его (Ореста) я послал к алтарю твоего храма,— объясняет он Афине,— чтобы он был верным на вечные времена и чтобы ты, богиня, приобрела союзника в нем и в его потомках, и пусть навеки останется их потомкам завет — блюсти эту верность» (669—673). Нетрудно понять, что при создавшихся политических условиях такой завет от героических времен оказывался весьма выразительным поучением для современников поэта. Виламовиц дал правильную оценку этой речи. «Царь Аргоса,— писал он,— благодаря афинскому народному суду получает возможность снова занять свой трон, и он налагает на свое государство на вечные времена обязательство оказывать помощь Афинам в защите их страны: так существующий в данный момент союз превращается в одностороннее обязательство Аргоса»⁶.

Сама мифическая история Ореста показывает, что версия Эсхила была лишь завершением длительного процесса ее развития и отражает настроения и чувства данного исторического момента⁷. Уже гомеровская версия предполагала, что Орест пришел мстить в Микены из Афин (Od. III, 307)⁸. В Афинах же с именем Ореста связывался особый обычай в день «Кружек» на празднике Анфестерий, упоминаемый Эврипидом в трагедии «Ифигения в Тавриде» (947—960).

Такое предсказание задним числом — *vaticinium ex eventu* — имеет основу в культе героя Ореста, несущего невидимую помощь Афинам. Этот культ, по-видимому, сохранился в роде Эвпатридов, к которому принадлежали, например, Алкивиад (Isocr., XVI, 25) и законодатель Драконт⁹. В исторической обстановке 462—458 гг. упоминание в трагедии роли Аргоса и Ореста имело определенно политическое значение. «Это было весьма кстати,— замечает Виламовиц,— для тенденции Эсхила, которому было важно из политических соображений связать свое произведение с Аргосом, и он охотно дал своей драме такое название, которое включало в себя понятие об умиловителенном добром божестве»¹⁰.

Эти весьма прозрачные намеки связываются с нарочито подчеркнутым восхвалением Ареопага. Выше уже говорилось, как в трудные дни персидского вторжения он сумел поддержать свой авторитет. Плутарх (Sol. 19), рассказывая об учреждении Солоном Совета четырехсот, который как буд-

⁶ U. v. Wilamowitz-Möllerndorff, Griechische Tragödien, II, B., 1907, стр. 309.

⁷ G. Thomson, Aeschylus and Athens. A study in the social origine of drama, 2 изд., L., 1946, стр. 246 сл.

⁸ L. Deubner, Attische Feste, B., 1956, стр. 98.

⁹ RE, VI, стр. 1165; J. Töpffer, Attische Genealogie, B., 1889, стр. 175 сл.; P. Mazon, Eschyle, II, P., 1925, стр. XII сл.; R. Hirzel, «Rheinisches Museum», 43, 1888, стр. 631; Wilamowitz-Möllerndorff, Griech. Trag., II, стр. 244 сл.; А. В. Никитский, Драконт Евпатрид, «Известия Российской Акад. наук», 1920, стр. 601—614.

¹⁰ Wilamowitz-Möllerndorff, Griech. Trag., II, стр. 245.

то мог бы заменить старый родовой совет Ареопага, считает нужным говорить, что никакого противоречия в существовании двух советов не было, так как это, наоборот, было гарантией прочности государства¹¹. Плутарх при этом опровергает мнение каких-то историков, будто Ареопаг был впервые учрежден Солоном.

Но Ареопаг после кратковременного подъема авторитета стал подвергаться серьезным нападкам. Аристотель говорит, что Эфиальт (участие в этом Фемистокла кажется невероятным) добился устранения из его состава некоторых членов, предъявив им обвинение в служебных проступках ἀγῶνας ἐπιφέρων περὶ τῶν δικωκημένων, иными словами, в лихоимстве и взяточничестве, а затем в 462/461 г., во время пребывания Кимона в Пелопоннесе¹², Эфиальт провел коренную реформу Ареопага, причем у него были отняты «все новоприобретенные права» ἀπαντα περιεῖλε τὰ ἐπίθετα для осуществления охраны государственного строя — ἡ τῆς πολιτείας φυλακή, а все отнятые права переданы частью Совету пятисот, частью народному собранию и суду присяжных (Athen. pol. 25,2). В «Политике» (II, 9, 3, р. 1274 а 7—8) Аристотель коротко говорит, что Эфиальт «изучил» — ἐκόλουσε — совет Ареопага, а продолжателем этого дела называет Перикла. Из слов Филохора (fr. 144) видно, что к этому же времени относится установление должности семи «блюстителей законов» — νομοφύλακες¹³. Плутарх, рассказывая об этом же (Cim. 15), ограничивает содержание реформы изъятием из ведения Ареопага большинства судебных дел, но в другом месте (Per. 9) повторяет свою мысль, но там же (7,5), ссылаясь на Платона (RP, VIII, 14, р. 562 CD), добавляет, что Эфиальт разбил силу — τὸ κράτος — Ареопага. С другой стороны, он же (Sol. 22) приписывал Ареопагу заботу по обеспечению граждан средствами к существованию — τὰ ἐπιτήδεια. А еще Аристотель, рисуя положение Афин в изложении Виламовица, «мозгом Афин»¹⁴.

В изложении Аристотеля остается неясность, почему «охрану государственного строя» (ἡ τῆς πολιτείας φυλακή) он включает в число «новоприобретенных прав» (τὰ ἐπίθετα, ср. 3,3). Высказывалась мысль, что под этим надо разумеать права, приобретенные во время войны с персами¹⁵. По другому мнению, это не более как отклик той идеализации Ареопага, которая нашла выражение у Исократ¹⁶. Делалась также попытка предстать

¹¹ Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles und Athen, II, стр. 198.

¹² Высказывалась мысль, что успех демократического движения объяснялся отсутствием Кимона (K. F. Hermann, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten, I Staatstümer, 3 Aufl. von V. Thumser, Freiburg, 1892, стр. 387—391; Ed. Meyer, Forschungen zur alten Geschichte, II, Halle, 1899, стр. 54; G. Glotz, Histoire grecque, II, P., 1931, стр. 139; G. B. Grundy, Thucydides and history of his age, I, Oxf., 1948, стр. 136). Однако, кажется, больше оснований предполагать, что и сама неудача похода Кимона происходила вследствие холодного отношения его воинов к спартанцам (K. J. Beloch, Griechische Geschichte, 2 изд., II, I Abt., Strassburg, стр. 153; Thomson, Aeschylus and Athens, стр. 230).

¹³ Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles und Athen, II, стр. 92.

¹⁴ Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles und Athen, II, стр. 344; K. F. Hermann, U. Köhler, «Berichte d. Berl. Ak. d. Wiss.», 1892, стр. 344; K. F. Hermann, Lehrbuch d. gr. Ant., I, B., 2, Abt. von V. Thumser, стр. 797; Nachtr., стр. 389, прим. 3;

¹⁵ Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles und Athen, II, стр. 186—188; Glotz, Hist. grecque, II, стр. 139; G. Glotz, La cité grecque, 2 изд., P., 1953, стр. 146.

¹⁶ K. Fritz and E. Kapp, Aristotle's Constitution of Athens and related texts, N. Y., 1950, стр. 17.

вить эти новые права как развитие первобытной основы¹⁷. Но все это малоубедительно. Остается только решительное утверждение Диодора: «Он (Эфиальт) убедил народ в своем постановлении умалить совет Ареопага и отменить отечественные и прославленные законные права» *πάτρια καὶ περὶ νόμιμα νόμιμα* (XI, 77,6). Конечно, охрана государственного строя есть одно из исконных прав родового совета старейшин. Если оно отнято у Ареопага, то в его ведении остались лишь дела об убийствах, как об этом определенно говорит Филохор — *μόνα κατέλειπε τῇ ἐξ Ἀρείου πάγος βουλῇ τὰ ὅπερ τοῦ σώματος* (fr. 141). В таком случае становится понятным то ожесточение, с каким реформа была встречена защитниками старых устоев: инициатор ее Эфиальт был убит и имя убийцы, Аристодика из Танагры, стало известно только много времени спустя (Arist., Athen. pol. 25, 5; Diod., XI, 77, 6; Plut., Per. 10). Это показывает, что его поддерживала большая группа приверженцев.

Политическая роль Ареопага на этом остановилась на долгое время. При олигархии Тридцати делалась попытка вернуть ему прежнее положение (Arist., Athen. pol. 35,2). В речи Андокида (I,84) упоминается псефисма Тисамена: «Пусть совет Ареопага имеет попечение о законах» — *ἐπιμελείσθω ἡ βουλὴ ἡ ἐξ Ἀρείου πάγος τῶν νόμων*. Также и из слов Лисия видно, что после восстановления демократии в 403 г. Ареопагу возвращена юрисдикция по делам об убийствах — *ὅ καὶ πατριὸν ἐστὶ καὶ ἐφ' ἡμῶν* (Libri: ὅμῶν) *ἀποδεδόται τοῦ φόνου τὰς δίκας δικάζειν* (I,30). А впоследствии в 20-х гг. IV в. Динарх напоминал, что Демосфен ссылался на права Ареопага карать правонарушителя на основании отеческих законов — *κυρίαν εἶναι τὴν ἐξ Ἀρείου πάγος βουλὴν κολάζει τὸν παρὰ τοὺς νόμους πλημμελοῦντα χρωμένῃ τοῖς πατρίοις νόμοις* (I,62). На этом, по-видимому, и остановилось развитие полномочий Ареопага до времен Римской империи. Из надписей II в. н. э. видно, что он снова занял равное место наряду с советом и народным собранием¹⁸.

Речь богини Афины в «Эвменидах», где она говорит об учреждении Ареопага (681—710), выделяется патетичностью и этим останавливает на себе особенное внимание читателя.

Афина заявляет, что впервые создает такое учреждение (682). А между тем нам известна еще другая и притом, очевидно, более древняя версия, что это был совет 12 богов, созданных для суда над Аресом за убийство Галиррофия, сына Посейдона (Eur. El., 1258—1263; Dem., XXIII, 66; Din., I,57; Arp., III, 180; Paus., I, 28,5)¹⁹. Весьма вероятно, что этим и объясняется название холма «Аресов»²⁰. Впрочем, не лишено правдоподобия, что оно вообще ассоциировалось с понятием убийства²¹. Введение Эсхилом новой версии нельзя, конечно, считать фантазией поэта. Причина становится понятной, если представим себе общественные настроения того времени, когда создавалась трагедия.

Представленная в пьесе процедура суда с допросом подсудимого, обвинительной речью Эриний, свидетельскими показаниями Аполлона и объяснениями Афины, как председателя, — все это живо напоминает порядок судебного разбирательства в действительной жизни, подчеркивая реальность самой темы. Особенно показательна речь Афины перед голосо-

¹⁷ K. J. Dover, The political aspect of Aeschylus' Eumenides, JHS, LXXVII, 1957, стр. 234.

¹⁸ Philippi, Areopag..., стр. 310—318; B. Keil, Beiträge zur Geschichte des Areopags, Lpz, 1920, стр. 1 сл.; G. Busolt, Griechische Staatskunde, I, Münch., 1920, стр. 473.

¹⁹ W. G. Headlam—G. Thomson, Aeschylus Oresteia, II, Camb., 1963, стр. 356.

²⁰ Philippi, Areopag..., стр. 8—12.

²¹ Ma z o n, Eschyle, II, стр. XIV сл.

ванием. Виламовиц правильно назвал ее «краеугольным камнем драмы» — *Schlußstein des Dramas*²². Подобного судилища, заявляет она, нет более нигде — ни у скифов, известных своей справедливостью, ни в стране Пелопона, т. е. у спартанцев (703). «Если вы, — говорит она, — по справедливости будете считать благоговейный страх перед этим судилищем, в нем вы будете иметь спасительный оплот государства» — *ἔρρηκτα τὰ χόρας καὶ πόλεως σωτήριον* (700—702). И далее она продолжает: «Я устанавливаю у вас этот совет, недоступный корысти (вспомним обвинения в этом, поднятые Эфиальтом против некоторых членов Ареопага. — *С. Р.*), почтенный и строгий, бдительную охрану страны во время вашего сна» — *εὐδόντων ὑπὲρ ἐγγρηγορὸς φρουρήσια* (704—706). Свою речь она заключает, как и начинается, непосредственным обращением ко всем гражданам: «Такое увещание обратила я к моим гражданам на будущее время» (707—708, ср. 680: *Ἀττικὸς λαός*). По ее словам, «в нем (в Ареопаге) благоговение и присущий гражданам страх одинаково и днем, и ночью будут удерживать их от преступлений при условии, если сами граждане не будут вносить новшеств (*μή τι κακινούτων* — Weil; *μή τι κινούτων* — Thomson; *μή τι κακινούτων* — Wilamowitz вносить горечи) в законы. А если грязью будешь осквернять чистую воду, никогда не найдешь питья» (690—695). Читая эти слова, никак нельзя отрешиться от мысли, что они направлены против нового закона.

А вслед за этим мы находим еще не менее красноречивое предупреждение: «Как безначалья, так и господской власти советую я гражданам бдение: — *τὸ μήτ' ἀναρχὸν μήτε δεσποτικόν ἀστος περιστέλλουσι βουλεύω σέβειν* — и не изгнать из города всякий страх: кто же из смертных справедлив, если не ведает страха?» (696—698). Эти слова обращаются одинаково и против своеволия демократов, и против опасности тирании, подчеркивается необходимость благоговейного отношения к Ареопагу и воздержания от крайностей²³.

Обращая свою речь не только к зрителям в театре, но и ко всему афинскому народу, Афина считает необходимым, чтобы о преступлении Орестесу народу, Афина считает необходимым, чтобы о преступлении Орестесу та ввиду его важности судили не боги, как было с Аресом, а сами люди (470—472), и устанавливает свой закон на вечные времена. Обращает на себя внимание и выбор судей. «Из моих граждан выбрав наилучших (*κρίνασα δ' ἀστων τῶν ἐμῶν τὰ βέλτιστα*), я приведу их (*ἄξω* — Weil; *ἡξω* — Wilamowitz, Thomson — «я приду»), чтобы разбирать дело по правде, блюду присягу и не кривя душой» (487—489). Выражение «наилучшие» — *τὰ βέλτιστα* — принадлежит, как известно, к социально-политической терминологии и имеет в виду «благородных», т. е. аристократов, в противоположность «худым», т. е. людям низшего класса.

Аристотель со всей определенностью говорит, что Ареопаг составлялся из бывших архонтов, благополучно сдавших отчет по своей должности, и оговаривает при этом, что «это — единственная из должностей, которая остается пожизненной и теперь», т. е. в конце IV в. (3,6). А так как избрание архонтов производилось по благородству происхождения и по богатству — *ἀριστιγένειαν καὶ πλοτινότητα*, то такой же был и состав Ареопага. Исократ, восхваляя в середине IV в. доброе старое время, вспоминает, что «совету Ареопага вменялось в обязанность заботиться о добром порядке» — *ἐπιμελεῖσθαι τῆς εὐνομίας* — и что «членами его могли быть только люди благородного происхождения, показавшие в жизни высокую доблесть и

²² Wilamowitz-Möllendorff, *Aristoteles und Athen*, II, стр. 339 (Der Prozess der Eumeniden, стр. 329—342); G. Méautis, *Notes sur les Eumenides* (d'Eschyle, «Revue des Etudes anciennes», LXV, 1963, № 1—2, стр. 45; W. Nestle, *Menschliche Existenz und politische Erziehung in der Tragödie des Aischylos* (Tübinger Beitr. zur Altertumswiss., XXIII), Stuttg. — B., 1934, стр. 48.

²³ Méautis, *ук. соч.*, стр. 46; Dover, *ук. соч.*, стр. 233.

благоразумие, так что он естественно выделялся среди всех советов у греков» (VII, 37). В первую половину V в. на должности архонтов допускались только граждане первого и с неизвестной даты второго имущественного класса. Аристотель отмечает, что лишь в 457/456 г. впервые на должность архонта был избран гражданин третьего имущественного класса — зеврит по имени Мнесифид (Athen. pol. 26,2) ²⁴. В другом месте (Politica, II, 9,2, p. 1273 b 39—40) он характеризует Ареопаг как учреждение аристократическое и реакционное ²⁵. Таким образом, демократизация состава Ареопага могла начаться только с середины V в. Из этого же видно, что число членов часто колебалось и бывало то четным, то нечетным ²⁶.

Напрасно некоторые исследователи, судя по сходству судебной процедуры, описываемой в трагедии, с ходом действительного судопроизводства, делают из этого заключение, будто поэт и имел в виду Ареопаг только как судебное учреждение: ясно, что такой функцией далеко не исчерпывалась деятельность старого Ареопага.

В итоге при рассмотрении трагедии возникает естественный вопрос: какую же политическую программу имеет в виду поэт? Разделяет ли он взгляды сторонников убитого Эфиальта, составлявших в это время большинство, или поддерживает притязания защитников старого, дореформенного Ареопага? Согласия ученых по этому вопросу до сих пор еще нет.

С этим основным вопросом смыкается еще и другой вопрос — о превращении грозных Эриний в благодетельных, милостивых Эвменид. Такая тема имеет явно этиологическую основу, поскольку пытается объяснить существование в Афинах культа «Почтенных» богинь — *Σεραϊ*. В песне Эриний подчеркивается исконная древность их культа и закона, утвержденного Мерами — *δαιμόνιοι ποσειδάωνος* — и дарованного богами. В заключительной части трагедии проходят два направления: сначала угрозы Эриний и уговоры их Афиной, затем примирение и взаимные обещания. В выражениях, религиозных по форме, характеризуется новое значение богинь в качестве «милостивых» Эвменид ²⁷ и, с другой стороны, высказывается уверенность в устранении через них общественных недугов.

Возмущенные оправданием Ореста, Эринии угрожают бесплодием земли, гибелью листвы, детей, смертоубийствами (782—787), грозят стать невыносимыми для граждан (790). Афина уговаривает их не насыщать на страну никаких бед и объясняет, что равенство голосов не означает их бесчестия. Она обещает дать им новое местопребывание и почитание со стороны граждан (794—807), просит оставить угрозы, не лишать страну плодов земных, обещает установить особое почитание их, как богинь брака и деторождения (834—836).

Эринии, склоняясь на убеждения и обещания Афины, соглашаются примириться и принять новое почитание на склоне Аресова холма — Ареопага. Кроме того, Афина обещает им дать место возле дома Эрехфея и устраивать в честь их священные процессии, каких не бывает ни в какой другой стране (855—857); вместе с тем она выражает уверенность, что отныне Эринии-Эвмениды будут любить ее страну (852). А Эринии со своей стороны обещают дать афинянам то, в чем они наиболее нуждаются, — умиротворение внутри страны (859—869).

²⁴ В «Политике» (II, 9, 4, p. 1274 a 18—21) неточность: сообщается, будто Солоном был предоставлен доступ трем первым классам.

²⁵ Busolt, Griechische Staatskunde, I, стр. 365; Beloch, Griechische Geschichte, II, I. Abt., стр. 150; Thomson, Aeschylus and Athens, стр. 231.

²⁶ G. Thomson, Aeschylus Oresteia, v. II, стр. 238 (ad vv. 737—746).

²⁷ В нашем тексте трагедии пропущено то место, где говорилось о переименовании Эриний в Эвменид: это место сохранено в *Ὑπερθεῖς* Аристофана Византийского, ср. также Hagnocraton, s. v. *Εὐμενίδες*.

Ясно, что поэт под видом обещаний, данных в мифические времена, описывает обряды и воззрения своего времени. Упомянутые тут обряды и священные места известны нам и из других источников. Пещера — $\kappa\epsilon\lambda\delta\rho\acute{o}\nu$ у подошвы холма Ареопага отмечена Павсанием (I, 28, 6). Об алтаре «Почтенных» богинь на склоне Акрополя, где искали спасения приверженцы Килона в 642 г., говорят Фукидид (I, 126, 11), Плутарх (Solon, 14) и Павсаний (VII, 25, 2).

Наконец, заслуживают внимания рассуждения Афины: «Эти богини получили право разбирать все дела среди людей, но тот, кто не снискал ($\delta\delta\epsilon\mu\acute{\eta}$ —Libri, Wilamowitz; $\delta\gamma\epsilon\mu\acute{\eta}\nu$ —Weil, Thomson) милости этих суровых богинь, не понимает, откуда падают жизненные удары, так как прегрешения прежних людей — $\tau\acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha\rho}\epsilon\kappa\pi\rho\omicron\tau\epsilon\rho\omega\nu\acute{\alpha}\pi\lambda\alpha\chi\eta\mu\alpha\tau\alpha$ — приводят его к ним (Эриниям), и молчаливая гибель уничтожает его действием их жестокого гнева, как бы громко он ни вопиял» (927—936). О чьей «молчаливой гибели» — $\sigma\iota\gamma\acute{o}\nu\delta\lambda\epsilon\theta\rho\varsigma$ — идет тут речь? Мы, кажется, не ошибемся, если в этих словах признаем намек на смерть Эфиальта, убийца которого еще оставался неизвестным. Но что надо понимать под словами: «прегрешения прежних людей»? Видеть в этом намек на «грех» Алкмеонидов, с которыми по матери был связан Перикл²⁸, едва ли можно, так как в 458 г. Перикл еще не достиг такого влияния, чтобы лаконофильской партии нужно было поднимать против него это обвинение, к тому же и Орест был оправдан Аполлоном²⁹. Скорее тут надо видеть отклик той ожесточенной борьбы, которая разгорелась вслед за изгнанием Гиппия и возобновилась затем в спорах из-за Ареопага, если не согласиться с мнением Рихтера, что слова эти относятся к сюжету самой трагедии и имеют в виду конец родового проклятия, тяготевшего над Орестом³⁰.

В понимании личного отношения Эсхила к реформе Ареопага мнения исследователей сильно расходятся. Одни, как Ф. Г. Велькер, Э. Курциус, Г. Ф. Шёман, П. Рихтер, Ф. Бласс и П. Б. Р. Форбс, полагают, что Эсхил является апологетом Ареопага с его первоначальными широкими правами³¹. Другие, как Дж. Грот, В. Онкен, Г. Бузольт, Эд. Мейер, А. Вейль, М. Круазе, П. Мазон, М. Поленц, В. Эренберг, Г. Глоц, Дж. Норвуд, Т. Синко, видят в нем поборника реформированного Ареопага³². Наконец, есть и такие, которые занимают среднюю позицию и находят во взглядах Эсхила одобрение реформы и вместе с тем опасение крайностей демократического движения. Так, А. Филиппи в книге об Ареопаге высказывал мысль, что слова Эсхила с одинаковым правом мо-

²⁸ Cl. S m e r t e n k o, The political sympathies of Aeschylus, JHS, 1932, LII, стр. 233—235.

²⁹ D o v e r, ук. соч., стр. 236.

³⁰ P. R i c h t e r, Zur Dramaturgie des Aeschylus, Lpz, 1892, стр. 258.

³¹ F. G. W e l c k e r, Die Aeschyleische Trilogie Prometheus und die Kabirenweihe zu Lemnos nebst Winken über die Trilogie des Aeschylus überhaupt, Darmstadt, 1824, стр. 524; R. O. M ü l l e r, Aeschylus' Eumeniden, Göttingen, 1833, стр. 157 сл.; G. F. S c h ö m a n n, Griechische Altertümer, bearb. von J. H. L i p s i u s, I, B., 1897, стр. 357; E. C u r t i u s, Griechische Geschichte, 6 изд., II, B., 1888, стр. 157 сл.; F. B l a s s, Die Eumeniden des Aeschylus, B., 1907, стр. 14; P. B. R. F o r b e s, Law and politics in Oresteia, «The Classical Review», LXII, 1948, № 3—4, 99—104; R i c h t e r, ук. соч., стр. 239, 241, 262.

³² O n c k e n, Athen und Hellas, I, стр. 229; E d. M e y e r, Geschichte des Altertums, III, стр. 453; B u s o l t, Griechische Geschichte, 1. Teil, Gotha, 1897, стр. 310; H. W e i l, Etudes sur le drame antique, 10 изд., P., 1908, стр. 54; M. G r o i s e t, Eshyle. Etudes sur l'invention dramatique dans son théâtre, P., 1928, стр. 27 сл., 256, 262; M a z o n, Eschyle, стр. XVIII; M. P o h l e n z, Die Griechische Tragödie, I, 2 изд., Göttingen, 1954, стр. 128; G. N o r w o o d, Greek tragedy, 2 изд., L., 1928, стр. 116; V. E h r e n b e r g, Der Staat der Griechen, I, Lpz, 1957, стр. 46 сл.; G l o t z, Histoire grecque, II, стр. 140; Th. S i n k o, De consilio populari in Aeschyli tragoediis conspicuo, «Studia antiqua Antonio Salač oblata», Pragae, 1955, стр. 78 сл.

гут толковаться и в положительном, и в отрицательном смысле. Его взгляд поддерживал Довер³³. Виламовиц, несколько раз обращавшийся к этому вопросу, писал так: «То, что установила Афина, есть не что иное, как совет судей, Ареопаг, какой был утвержден законом в 458 г. и всегда существовал»³⁴. В этих словах содержится какое-то недоразумение: если в таком виде он всегда существовал, то, значит, в 458 г. он никакому изменению не подвергался. С другой стороны, если Афина говорит, что устанавливает суд по делам об убийствах (483—484), это еще не значит, что такой функцией и ограничивалась компетенция Ареопага, а нам известно, что уже Драконт установил суды по делам об убийствах, причем проводилось различие между убийствами преднамеренными и непреднамеренными. Да и нужно ли было поэту с такой пылкостью защищать то, что стало уже законом?

В. Нестле в обстоятельной статье «Мировоззрение Эсхила» приходит к следующему заключению: «С ограничением полномочий Ареопага судами об убийствах он (Эсхил. — С. Р.) примирился ради политического согласия, но не может отказаться от решительного неодобрения дальнейших шагов по пути демократизации государственного строя»³⁵. Однако ясно, что такое примиренческое отношение совсем не соответствует настойчивости пожеланий Афины. Позднее в книге «Человеческое существование и политическое воспитание в трагедии Эсхила» автор отошел от такого понимания и признал ошибочной даже самую постановку такого вопроса. Впрочем, это не мешает В. Нестле видеть в Ареопаге великого носителя права и государственности³⁶. С. Я. Лурье, посвятивший «Эвменидам» специальную статью, в которой высказал ряд весьма ценных соображений³⁷, не пришел к определенному заключению по данному вопросу.

Дж. Томсон видит в лице Эсхила умеренного демократа, который под конец жизни в «Орестии» отошел от первоначальных передовых взглядов³⁸. Ареопаг, думает он, по основе своей есть учреждение реакционное. Он даже пишет: «Раз Афина устанавливает Совет с определенной целью суда над убийцей Орестом и в своем вступительном обращении к членам совета называет их „судьями об убийстве“ (484—486), из этого можно сделать заключение, что Эсхил задним числом примиряется с умалением его прав; но его требование должного к нему уважения и в особенности соблюдения принципа, что устрашающая сила закона составляет существенную черту той идеи, которая, как мы видели, является основным учением демократии, — это все показывает ясно, что по крайней мере, под конец свой жизни он стал противником передовых порядков радикальной демократии»³⁹.

Мы рассмотрим еще четыре статьи, посвященные специально выяснению взглядов Эсхила на реформу Ареопага. Автор первой из них — Р. В. Ливингстон — в обстоятельном исследовании идейного содержания «Эвменид» обратил внимание на заостренность некоторых моральных высказываний, которые явно связываются с злободневными темами совре-

³³ Philippi, Areopag..., стр. 303 сл., Dover, ук. соч., стр. 237.

³⁴ Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles und Athen, II, стр. 338; он же, Griech. Trag., II, стр. 310 сл.; он же, Aischylos Interpretationen, B., 1914, стр. 250.

³⁵ W. Nestle, Die Weltanschauung des Aischylos, «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», XIX, 1907, стр. 309.

³⁶ Nestle, Menschliche Existenz..., стр. 51, 65.

³⁷ С. Я. Лурье, Политическая тенденция трагедии «Эвмениды», ВДИ, 1958, № 3, стр. 42—54.

³⁸ Headlam — Thomson, The Oresteia of Aeschylus, I, стр. 72; Thomson, Aeschylus and Athens, стр. 291.

³⁹ Thomson, Aeschylus and Athens, стр. 231, 286.

менности. Он отмечает некоторую безжизненность образа Ореста и выход его из действия в последней части трагедии после 778 стиха. Спор идет в сущности между Эриниями и Аполлоном. В этом автор видит аллегорическое воспроизведение спора консерваторов с демократами. Устами Эриний выражается недовольство потерпевших поражение аристократов, а Афина с объективностью судьи склоняет стороны к примирению. Самое равенство голосов «за» и «против» как будто подтверждает, что притязания обеих сторон имеют равное значение. Справедливыми надо считать и предупреждения Афины против крайностей демократии, и призывы к уважению законности. Отсюда делается вывод, что поэт прославляет новый, реформированный Ареопаг как судебное учреждение, а не как правительственный совет ⁴⁰.

Точку зрения Р. В. Ливингстона старалась развить и дополнить Кл. Смертенко⁴¹. Но она не считает возможным причислить Эсхила ни к демократам, ни к аристократам, так как, по ее мнению, еще не было строгого различия между партиями и борьба велась главным образом между лидерами отдельных групп — Кимоном, с одной стороны, и Эфиальтом и Периклом — с другой. Выше мы уже показали несостоятельность предположения, будто поэт имел в виду «скверну», тяготевшую над родом Алкмеонидов. Сущность спора Эриний и Афины исследовательница сводит к установлению единства между гражданами ради блага государства.

Автор третьей статьи — П. Б. Р. Форбс ⁴² — старается все споры, представленные в трагедии, объяснить как отзвук распространенного со времен Гесиода и четко слышимого у Пиндара идеала «благозакония» — *eunomia* — в противоположность голосу царившей ранее родовой мести. Торжество же новому порядку, по мысли автора, должен дать «государственный совет — Ареопаг» (the council of Government).

Английский ученый К. Довер в упомянутой выше статье делает такое заключение: «Слова Афины, далекие от возращения против реформы Ареопага или от предостережения против дальнейших реформ, вполне пригодны и в качестве аргументов самих реформаторов» ⁴³.

Подводя итог рассмотренным толкованиям трагедии, мы приходим к заключению, что причиной такой разногласности является недостаточный учет исторических свидетельств. Это особенно бросается в глаза при анализе речи Афины (681—710). Афина говорит об исключительном благогоушии и страхе перед Ареопагом (690—691) и предрекает, что он будет спасительным оплотом страны и государства (701), что ни в одной стране нет подобного ему учреждения (703); это учреждение, чуждое корысти, будет бдительным стражем над гражданами в случае их усыпления (705—706). Афина предостерегает также против безначалия и деспотической власти (696) и т. д. Неужели, спросим мы, в этих словах следует видеть только судебные и полицейские функции Ареопага, как утверждают некоторые? М. Поленц ⁴⁴, например, пишет: «Только обязанности суда об убийствах называет ему она (Афина. — С. Р.), о политических же полномочиях не говорит ни слова». Так же понимает дело и А. Лески. «Ареопаг, — говорит этот ученый, — какой основывает Афина, совершенно так же, как и тот, который существовал во время постановки трагедии, имеет в руках

⁴⁰ R. W. Livingston, The problem of the Eumenides of Aeschylus, JHS, XLV, 1925, стр. 120—131.

⁴¹ Smertenko, The political sympathies of Aeschylus, стр. 233—235.

⁴² P. B. R. Forbes, Law and politics in the Oresteia, «The Classical Review», LXII, 1948, № 3—4, стр. 99—104.

⁴³ Dover, ук. соч., стр. 234.

⁴⁴ Pohlenz, Die Griech. Trag., I., стр. 126.

только суд по делам об убийствах»⁴⁵. Этот взгляд полностью разделяет и В. Н. Ярхо⁴⁶.

Наконец, что значит оговорка о каких-то изменениях или порче законов в отношении Ареопага после того, что уже сделано Эфиальтом? Мы знаем лишь о попытках поднять его значение. А Исократ вспоминает только о высоких моральных качествах прежнего Ареопага.

Ясно, что поэт имел в виду деятельность Ареопага по «охране государственного строя» — *φύλαξή τῆς πολιτείας* — и «отечественные установления» — *τὰ πάτρια*, т. е. права родового совета старейшин, имевшего более широкие полномочия, чем солоновский Совет четырехсот или клисфеновский Совет пятисот, и тем более не мог думать об ограничении его полномочий судами об убийствах, поджогах и др. религиозных преступлениях, вроде порубки масличного дерева (ср. *Lys.*, VII, 29; *Soph.*, *Oed. Col.* 700—706), к чему свелась его деятельность после реформы. На судебные же права его, как видно из слов Демосфена (XVIII, 66), не посягали никогда ни тирания, ни олигархия. Но если действительно Эсхил имел в виду общее умиротворение, в чем не сомневается никто из исследователей, — могло ли удовлетворить его учреждение со столь ограниченными функциями? А ведь в дальнейшей истории Афин Ареопаг действительно не играет никакой политической роли и этим отличается от дореформенного.

Рассмотренные нами высказывания в трагедии, звучащие явным анахронизмом, приобретают более ясный смысл, если мы попытаемся представить их в общем плане художественного произведения — на фоне далекого прошлого, когда матриархальный строй уступал место патриархату и закладывались основы государственности под покровительством Аполлона и Афины. Защита этого порядка вверяется «совету судей» — Ареопагу, который должен внушать гражданам страх и почтение, предупреждать возможность смуты, безначалия и тирании. Вредным новшеством и представляется с точки зрения действия трагедии реформа 462 г.

Мы приходим, таким образом, к заключению, что Эсхил выступал на защиту дореформенного Ареопага, и это характеризует его собственную позицию. Такой вывод подкрепляется некоторыми биографическими данными. Он — уроженец Элевсина, который был центром культа Деметры и средоточием землевладельческой аристократии. Об имущественном положении семьи свидетельствует надпись 440/439 г.⁴⁷, показывающая, что его племянник, носивший также имя Эсхил, занимал должность казначея союзной казны — *ἐλλήνοταμίης*, для чего требовался имущественный ценз первого класса. Этим уже до некоторой степени можно объяснить симпатии поэта к дореформенному Ареопагу, аристократическому по составу. В такой связи понятным становится замечание Аристофана о каких-то расхождениях поэта с афинянами (*Ranae*, 807; cf. *Plut.*, *Cim.* 8, 9).

Остается еще серьезный вопрос: как мог Эсхил, если он так горячо поддерживал дореформенный Ареопаг, одновременно выражать сочувствие союзу с демократическим Аргосом? Противоречивость этого отмечал еще В. Онкен и полемизировал с толкованием К. О. Мюллера, видевшего в Эсхиле поборника старого Ареопага⁴⁸, и Онкен нашел немало сторонников. Однако объяснение дает грубая до крайности и эгоистическая политика Спарты, заставившая Афины порвать с ней союз и заключить новый союз с ее ожесточенным противником Аргосом. Уже самая быстрота

⁴⁵ А. Лескы, *Die griechische Tragödie*, 2 изд., Göttingen, 1955, стр. 115; А. Лескы, *Die tragische Dichtung der Hellenen*, Göttingen, 1956, стр. 76.

⁴⁶ В. Н. Ярхо, *Эсхил*, М., 1958, стр. 186.

⁴⁷ G. Dittenberger, *Sylloge Inscriptionum Graecarum*, 3 изд., № 68; W. Iamowitz-Möllerndorff, *Aischylos. Interpretationen*, стр. 237; Лескы, *Die tragische Dichtung der Hellenen*, стр. 50 сл.

⁴⁸ Онкен, *Athen und Hellas*, I, стр. 227.

поворота от одного союза к другому говорит о взрыве поднявшегося в Афинах негодования. Как велико оно было, можно судить, например, по тому, как откликнулся на действия спартанцев один из их горячих почитателей в Афинах Алкивиад, дед известного участника Пелопоннесской войны: он сложил с себя почетное звание спартанского проксена (Thuc., V, 43, 2). Успехи афинян в войне с персами и образование морского союза под главенством Афин стали вызывать соперничество и зависть со стороны спартанцев. В конце концов они начали тайно подстрекать и оказывать помощь поднявшимся против Афин жителям острова Фасоса и их союзникам во Фракии, против которых действовал Кимон (Thuc., I, 101; Plut., Cim. 14). Положение было таково, что можно было ждать открытого выступления спартанцев, и только случившееся в это время землетрясение и последовавшее за ним восстание гелотов в Мессене остановили их. Вот почему они с такой подозрительностью отнеслись к пришедшему к ним афинскому отряду под начальством Кимона, несмотря на всем известные его лаконофильские симпатии. И действительно, вскоре же враждебные отношения перешли в открытую войну, в которой афиняне потерпели от спартанцев серьезное поражение при Танагре в 457 г. Но замечательно, что Кимон, в это время находившийся уже в изгнании, убедил своих друзей сражаться против спартанцев и многие из них пали в бою, после чего по предложению самого Перикла Кимон был возвращен (Plut., Cim. 17). Такими настроениями, кажется, можно в достаточной степени объяснить тот факт, что даже консервативные круги с полным сочувствием встретили заключение союза с Аргосом, а следовательно, не будет никакого противоречия, если мы признаем, что Эсхил, питая надежду на восстановление прав старого Ареопага, в то же время выражал искреннее одобрение союзу с Аргосом. Нет никаких оснований приукрашивать великого поэта ореолом демократизма, но важно то, что и при консервативности политических воззрений поэт в своих произведениях нес народу высокие идеалы правды, патриотизма, мира и всеобщего прочного благополучия (Agam. 471—474).

THE POLITICAL TENDENCY OF AESCHYLUS IN THE «EUMENIDES»

by S. I. Radzig

The mythological plot of the «Eumenides», a tragedy produced in 458 B. C., was worked out by Aeschylus under the strong influence of the stormy events of the time, and the play is full of political hints which seem to make possible a determination of the poet's point of view. However, the question is still being debated to this day. Athena's passionate speech proclaiming the institution of a council to judge Orestes (a more ancient version connected this institution with the trial of Ares) celebrates its high moral and political qualities. This is plainly a reference to the reform of the Areopagus, put through on the initiative of Ephialtes in 462 B. C., but so bitterly opposed that Ephialtes was subsequently murdered. Then which Areopagus is celebrated by Athena? The new, reformed one, or the old one, before the reform? The author argues that the reform deprived the council of its function of leadership, the very function of which Athena speaks, and which was inherited from the tribal council of elders. The character of the Areopagus was determined by the fact that its members were former archons, and until 457 only citizens of the first and (this from a quite recent date) second property classes were elected to the archonship. Another question is raised by the speech of Orestes, who, in gratitude for his acquittal, promises under oath and in the name of his city Argos to remain eternally loyal to Athens. In this one cannot fail to see a reference to the break with Sparta and the conclusion of an alliance with democratic Argos in 461. But, the author argues, this by no means justifies a conclusion as to the poet's democratic tendencies, since the alliance with Argos promised Athens stout assistance in the struggle just beginning with Sparta, and Sparta's behaviour roused indignation even among Cimon's followers. The important point is that the poet with all his conservatism, remained a true patriot of his native city.

только суд по делам об убийствах»⁴⁵. Этот взгляд полностью разделяет и В. Н. Ярхо⁴⁶.

Наконец, что значит оговорка о каких-то изменениях или порче законов в отношении Ареопага после того, что уже сделано Эфиальтом? Мы знаем лишь о попытках поднять его значение. А Исократ вспоминает только о высоких моральных качествах прежнего Ареопага.

Ясно, что поэт имел в виду деятельность Ареопага по «охране государственного строя» — *φυλακή τῆς πολιτείας* — и «отечественные установления» — *τὰ πάτρια*, т. е. права родового совета старейшин, имевшего более широкие полномочия, чем солоновский Совет четырехсот или клисфеновский Совет пятисот, и тем более не мог думать об ограничении его полномочий судами об убийствах, поджогах и др. религиозных преступлениях, вроде порубки масличного дерева (ср. *Lys.*, VII, 29; *Soph.*, *Oed. Col.* 700—706), к чему свелась его деятельность после реформы. На судебные же права его, как видно из слов Демосфена (XXIII, 66), не посягали никогда ни тирания, ни олигархия. Но если действительно Эсхил имел в виду общее умиротворение, в чем не сомневается никто из исследователей, — могло ли удовлетворить его учреждение со столь ограниченными функциями? А ведь в дальнейшей истории Афин Ареопаг действительно не играет никакой политической роли и этим отличается от дореформенного.

Рассмотренные нами высказывания в трагедии, звучащие явным анахронизмом, приобретают более ясный смысл, если мы попытаемся представить их в общем плане художественного произведения — на фоне далекого прошлого, когда матриархальный строй уступил место патриархату и закладывались основы государственности под покровительством Аполлона и Афины. Защита этого порядка вверяется «совету судей» — Ареопагу, который должен внушать гражданам страх и почтение, предупреждать возможность смуты, безначалия и тирании. Вредным новшеством и представляется с точки зрения действия трагедии реформа 462 г.

Мы приходим, таким образом, к заключению, что Эсхил выступал на защиту дореформенного Ареопага, и это характеризует его собственную позицию. Такой вывод подкрепляется некоторыми биографическими данными. Он — уроженец Элевсины, который был центром культа Деметры и средоточием землевладельческой аристократии. Об имущественном положении семьи свидетельствует надпись 440/439 г.⁴⁷, показывающая, что его племянник, носивший также имя Эсхил, занимал должностную казначей союзной казны — *ἐλλυροταμίης*, для чего требовался имущественный ценз первого класса. Этим уже до некоторой степени можно объяснить симпатии поэта к дореформенному Ареопагу, аристократическому по составу. В такой связи понятным становится замечание Аристофана о каких-то расхождениях поэта с афинянами (*Ranae*, 807; ср. *Plut.*, *Cim.* 8, 9).

Остается еще серьезный вопрос: как мог Эсхил, если он так горячо поддерживал дореформенный Ареопаг, одновременно выражать сочувствие союзу с демократическим Аргосом? Противоречивость этого отмечал еще В. Онкен и полемизировал с толкованием К. О. Мюллера, видевшего в Эсхиле поборника старого Ареопага⁴⁸, и Онкен нашел немало сторонников. Однако объяснение дает грубая до крайности и эгоистическая политика Спарты, заставившая Афины порвать с ней союз и заключить новый союз с ее ожесточенным противником Аргосом. Уже самая быстрота

⁴⁵ A. Lesky, *Die griechische Tragödie*, 2 изд., Göttingen, 1955, стр. 115; A. Lesky, *Die tragische Dichtung der Hellenen*, Göttingen, 1956, стр. 76.

⁴⁶ В. Н. Ярхо, *Эсхил*, М., 1958, стр. 186.

⁴⁷ G. Dittenberger, *Sylloge Inscriptionum Graecarum*, 3 изд., № 68; W. Iamowitz-Möllerndorff, *Aischylos. Interpretationen*, стр. 237; Lesky, *Die tragische Dichtung der Hellenen*, стр. 50 сл.

⁴⁸ Oncken, *Athen und Hellas*, I, стр. 227.

поворота от одного союза к другому говорит о взрыве поднявшегося в Афинах негодования. Как велико оно было, можно судить, например, по тому, как откликнулся на действия спартанцев один из их горячих почитателей в Афинах Алкивиад, дед известного участника Пелопоннесской войны: он сложил с себя почетное звание спартанского проксена (*Thuc.*, V, 43, 2). Успехи афинян в войне с персами и образование морского союза под главенством Афин стали вызывать соперничество и зависть со стороны спартанцев. В конце концов они начали тайно подстрекать и оказывать помощь поднявшимся против Афин жителям острова Фасоса и их союзникам во Фракии, против которых действовал Кимон (*Thuc.*, I, 101; *Plut.*, *Cim.* 14). Положение было таково, что можно было ждать открытого выступления спартанцев, и только случившееся в это время землетрясение и последовавшее за ним восстание гелотов в Мессене остановили их. Вот почему они с такой подозрительностью отнеслись к пришедшему к ним афинскому отряду под начальством Кимона, несмотря на всем известные его лаконофильские симпатии. И действительно, вскоре же враждебные отношения перешли в открытую войну, в которой афиняне потерпели от спартанцев серьезное поражение при Танагре в 457 г. Но замечательно, что Кимон, в это время находившийся уже в изгнании, убедил своих друзей сражаться против спартанцев и многие из них пали в бою, после чего по предложению самого Перикла Кимон был возвращен (*Plut.*, *Cim.* 17). Такими настроениями, кажется, можно в достаточной степени объяснить тот факт, что даже консервативные круги с полным сочувствием встретили заключение союза с Аргосом, а следовательно, не будет никакого противоречия, если мы признаем, что Эсхил, питая надежду на восстановление прав старого Ареопага, в то же время выражал искреннее одобрение союзу с Аргосом. Нет никаких оснований приукрашивать великого поэта ореолом демократизма, но важно то, что и при консервативности политических воззрений поэт в своих произведениях нес народу высокие идеалы правды, патриотизма, мира и всеобщего прочного благополучия (*Agam.* 471—474).

THE POLITICAL TENDENCY OF AESCHYLUS IN THE «EUMENIDES»

by S. I. Radzig

The mythological plot of the «Eumenides», a tragedy produced in 458 B. C., was worked out by Aeschylus under the strong influence of the stormy events of the time, and the play is full of political hints which seem to make possible a determination of the poet's point of view. However, the question is still being debated to this day. Athena's passionate speech proclaiming the institution of a council to judge Orestes (a more ancient version connected this institution with the trial of Ares) celebrates its high moral and political qualities. This is plainly a reference to the reform of the Areopagus, put through on the initiative of Ephialtes in 462 B. C., but so bitterly opposed that Ephialtes was subsequently murdered. Then which Areopagus is celebrated by Athena? The new, reformed one, or the old one, before the reform? The author argues that the reform deprived the council of its function of leadership, the very function of which Athena speaks, and which was inherited from the tribal council of elders. The character of the Areopagus was determined by the fact that its members were former archons, and until 457 only citizens of the first and (this from a quite recent date) second property classes were elected to the archonship. Another question is raised by the speech of Orestes, who, in gratitude for his acquittal, promises under oath and in the name of his city Argos to remain eternally loyal to Athens. In this one cannot fail to see a reference to the break with Sparta and the conclusion of an alliance with democratic Argos in 461. But, the author argues, this by no means justifies a conclusion as to the poet's democratic tendencies, since the alliance with Argos promised Athens stout assistance in the struggle just beginning with Sparta, and Sparta's behaviour roused indignation even among Cimon's followers. The important point is that the poet with all his conservatism, remained a true patriot of his native city.